

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-2-78-89

УДК 321.6 (581549.1) Содержание статьи

Информация о статье

Л.А. Шашок¹

Введение
Разоружение, демобилизация и реинтеграция
Этнический и племенной фактор в РДР
Роль третьей стороны в РДР в Афганистане
Заключение

Поступила в редакцию: 27.03.2020.
Передана на рецензию: 04.04.2020.
Получена рецензия: 24.04.2020.
Принята в номер: 29.05.2020.

Анализ перспективы разоружения, демобилизации и реинтеграции фундаментального исламистского движения «Талибан» в Афганистане

Международный институт энергетической политики и управления инновациями МГИМО (У) МИД России; larisashashok@gmail.com

В статье рассматриваются текущий внутривнутриполитический конфликт в Афганистане и значение в его разрешении фундаментального исламистского движения «Талибан», по сей день играющего значимую роль в политической жизни страны. Анализируются сценарии урегулирования афганского внутривнутриполитического конфликта посредством разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР) талибов в правительственные силовые структуры, а также потенциальные риски для обеих сторон конфликта. Рассматривается влияние на процесс РДР этнического и племенного фактора, в частности вопрос взаимодействия пуштунского большинства с национальными меньшинствами. Оценивается участие возглавляемой США международной коалиции и других стран региона в процессе РДР в Афганистане, в частности в контексте текущего процесса мирного урегулирования внутриафганского конфликта. Особое внимание уделяется анализу оценок зарубежных исследователей проблем разоружения, демобилизации и реинтеграции в Южной Азии.

Ключевые слова: *Афганистан, Талибан, пуштуны, внутривнутриполитический конфликт, разоружение, демобилизация, реинтеграция.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-2-78-89

UDC 321.6 (581549.1)

Content of the article

Information about the article

L.A. Shashok²

Introduction.

Received: 27.03.2020.

¹ Шашок Лариса Александровна – преподаватель Международного института энергетической политики и управления инновациями МГИМО (У) МИД России; orcid.org/0000-0002-2397-9579.

² Larisa Alexandrovna Shashok – Lecturer at the International Institute for Energy Policy and Innovation Management, MGIMO-University; orcid.org/0000-0002-2397-9579.

Disarmament, demobilization and
reintegration. Submitted for review: 04.04.2020.
Ethnic and tribal factors in DDR. Review received: 24.04.2020.
The role of third party in the DDR in Accepted for publication: 29.05.2020.
Afghanistan.
Conclusion.

The Analysis of Prospects for the Disarmament, Demobilization and Reintegration of the Fundamental Islamist Taliban Movement in Afghanistan

International Institute for Energy Policy and Innovation Management, MGIMO-University; larisashashok@gmail.com

The article examines the current internal political conflict in Afghanistan and the role of the fundamental Islamist Taliban movement, which still plays a significant role in the country's political life, in its resolution. The author analyzes the scenarios for the settlement of the Afghan internal political conflict through the disarmament, de-mobilization and reintegration (DDR) of the Taliban into government power structures, as well as potential risks for both sides of the conflict. The influence of ethnic and tribal factors, in particular, the issue of interactions of the Pashtun majority with national minorities, is examined. The participation of the US-led international coalition and other countries of the region in the DDR process in Afghanistan is assessed, particularly in the context of the ongoing process of a peaceful settlement of the intra-Afghan conflict. The author pays special attention to the analysis of the assessments of foreign researchers on disarmament, demobilization and reintegration problems in South Asia.

Keywords: *Afghanistan, Taliban, Pashtuns, internal political conflict, disarmament, demobilization, reintegration.*

Введение

Исламская Республика Афганистан (ИРА) два десятилетия находится в состоянии войны, начавшейся после масштабных терактов 11 сентября 2001 года. Начало новой афганской кампании было ознаменовано вводом на территорию страны войск международной коалиции под эгидой США. В том же году силами международной коалиции в Афганистане был свергнут режим радикального исламистского движения «Талибан» (запрещено в РФ), обвиняемого в поддержке и укрытии боевиков, взявших на себя ответственность за теракты террористической организации «Аль-Каида» (запрещена в РФ). Тем не менее, на протяжении всех последующих лет «Талибан» продолжал играть значимую роль во внутривнутриполитической жизни Афганистана ввиду сильного религиозного и идеологического влияния на население. В последнее время власти страны и антиправительственные силы талибов ищут возможности ненасильственного урегулирования противоречий, в т. ч. прибегая к поддержке иностранных медиаторов. Мирное соглашение, подписанное между руководством движения «Талибан» и США 29 февраля 2020 года, еще на один шаг приблизило стороны внутриафганского конфликта к перемирию. Важно учитывать, что любое окончательное мирное соглашение между афганским правительством и движением «Талибан» повлечет за собой некоторую перестройку афганских органов безопасности, частичную интеграцию элементов «Талибана» в национальную армию и полицию, а также демобилизацию и возвращение к гражданской жизни участников боевых действий с обеих сторон.

Разоружение, демобилизация и реинтеграция

Реализация любого варианта афганского мирного соглашения потребует многолетних усилий. В случае успеха разоружение, демобилизация и реинтеграция (далее – РДР) станут результатом такого процесса, а не встанут во главе него, так как разоружение в присутствии вооруженного противника требует доверия, которое достигается только со временем.

Бремя разработки и реализации этих и большинства других аспектов мирного соглашения ложится главным образом на стороны афганского конфликта. Однако, учитывая сильную зависимость афганской сферы безопасности от поддержки США и НАТО, можно предположить, что афганские правительственные силы обратятся к Соединенным Штатам и их союзникам за консультацией при разработке аспектов соглашения. По этой причине должностным лицам США следует начать изучение вариантов реорганизации афганской сферы безопасности, а также осуществления разоружения и демобилизации бывших комбатантов и их реинтеграции в гражданскую сферу или реорганизованные структуры в сфере национальной безопасности. Талибов при необходимости наделят правом голоса при разработке и реализации таких положений. Дальнейшее оказание международной помощи в обеспечении безопасности восстановленным вооруженным силам Афганистана будет способствовать формированию основных внешних рычагов воздействия на процесс РДР.

В данном контексте следует определить лучшие практики в области РДР, описать условия, при которых такие программы должны быть выполнены в Афганистане, дабы рекомендации в отношении шагов, которые необходимо предпринять США и силам международной коалиции с целью подготовки к оказанию помощи и консультаций афганскому правительству в ходе внутриафганских переговоров и в конечном итоге реализации мирных договоренностей.

Вместе с тем должностные лица США должны начать думать о том, как реагировать на любые правовые или политические возражения, которые могут быть выдвинуты в отношении поддержки восстановленного афганского сектора безопасности, включающего значительное число бывших боевиков «Талибана».

РДР являются центральной концепцией постконфликтной стабилизации, выдвинутой ООН [11]. Однако, как отметил Кристофер фон Дюк, формальные и неформальные стандарты, которыми руководствуются при ее реализации, «часто преднамеренно расплывчаты и предназначены для того, чтобы их можно было применить позже в зависимости от местных условий и вопросов, возникающих в отношении заполнения вакуумов власти» [4, с. 68].

Для начала следует определить основные вопросы, касающиеся разоружения, демобилизации и реинтеграции в целом. Разоружение является особенно трудным условием для достижения любого мирного соглашения из-за обоюдного недоверия сторон и страха остаться беззащитными перед прежними и потенциальными противниками. В идеале за этим процессом наблюдает третья сторона, которая также обеспечивает безопасность двух других при их разоружении. Однако проблема заключается в том, что в афганском конфликте вряд ли найдется третья сторона. Разоружение можно понимать буквально как условие, означающее, что все участники боевых действий должны возвращать любое имеющееся у них оружие, что порой не представляется возможным, учитывая экстремистский характер подрывной деятельности в ходе конфликтов. В такой ситуации требуется создание чего-то более похожего на программу управления оружием, например ограничение сферы разоружения только тяжелым оружием или требование регистрации, а не сдачи оружия.

Существует несколько сценариев проведения демобилизации. Варианты включают в себя некоторую форму расквартирования в течение переходного периода, создание более широких безопасных зон для разделения комбатантов и организацию центров регистрации в районах, где концентрация боевиков более высокая. Она может включать в себя попытки сломать существующую командно-контрольную сеть боевиков в качестве средства предотвращения рецидивизма или преобразования отдельных элементов сети в криминальные ячейки. В качестве альтернативы подразделения и командования могут быть сохранены в течение периода, необходимого для того, чтобы улучшить контроль над процессом и воспрепятствовать единичному дезертирству.

В предыдущие десятилетия уже были предприняты усилия для быстрого разоружения и демобилизации бывших комбатантов, однако в последнее время такие шаги откладываются до тех пор, пока не наметится перспектива политической интеграции противоборствующих группировок в новое руководство.

ООН, в свою очередь, определила три возможных этапа реинтеграции. Кратковременное введение мер обеспечивает временную работу, консультирование, предоставление питания и жилья. При долгосрочной реинтеграции ко всему вышеперечисленному добавляются профессиональная подготовка и микроразвитие. Третий этап, основанный на интеграции в сообщества, фокусируется на примирении бывших противников [4]. Далее необходимо определить масштаб реинтеграции и такие моменты, как, например, роль правосудия в переходный период. Также следует определить, предоставят ли преференции, связанные с программой реинтеграции, только бывшим боевикам или же они распространятся в том числе на их сторонников, а также пострадавших гражданских лиц. Необходимо также понять, какие гарантии понадобятся лидерам «Талибана» в отношении их связей с правительственными силами и негосударственными покровителями, а также источниками внешней поддержки. Кроме того, с юридической точки зрения важно определить протоколы, согласно которым будет осуществляться надзор над выполнением программы.

Практика показала, что после реинтеграции бывшие повстанцы часто попадают в органы национальной безопасности. Это требует некоторой реконструкции сектора безопасности и вызывает различные дополнительные вопросы, как то: нужно ли в таком случае расширять ограничения? будут ли поддерживаться существующие протоколы проверки и подбора личного состава? Следует прояснить принцип действия системы квот и определения звания бывших боевиков, особенно тех, кто занимал командные должности. Также необходимо прояснить, в каком порядке будет происходить назначение представителей высшего руководства талибов на высшие командные и министерские должности в секторе безопасности.

Предыдущий опыт интеграции повстанцев в органы национальной безопасности весьма разнообразен. Например, в Непале повстанцы были в индивидуальном порядке зачислены в национальную армию. В Таджикистане все повстанческие подразделения были включены в состав армии и полиции. В Бурунди правительственные и повстанческие силы были объединены в реорганизованные органы безопасности. В целом, после окончания холодной войны в мире было реализовано около 60 программ РДР [7, с. 11–12]. Реинтеграция оказалась особенно сложным процессом ввиду того, что государства зачастую не в состоянии создать адекватные возможности для трудоустройства гражданского населения.

Что касается ситуации в Афганистане, в первую очередь следует отметить, что на способы осуществления РДР в стране повлияют такие факторы, как количество участвующих комбатантов, расстановка сил после прекращения боевых действий, а также характер власти и управления в Афганском государстве.

На данный момент численность личного состава Афганских национальных сил обороны и безопасности (ANDSF) составляет 352 000 человек, из которых примерно 227 000 служат в Афганской национальной армии (АНА), а остальные 125 000 – в Афганской национальной полиции (АНП) [12, с. 41]. Однако с начала проводимой НАТО с 2015 года миссии «Решительная поддержка» общее число личного состава ANDSF оставалось в основном неизменным – примерно 316 000. Эти цифры не включают членов Афганской местной полиции, которая подчиняется Министерству внутренних дел, но поддерживается исключительно США; ее численность составляет 30 000 человек.

В последние годы правительство США воздерживалось от предоставления данных об уменьшении численности ANDSF, ссылаясь на просьбы афганского правительства не афишировать данные. Тем не менее, в январе 2019 года президент Афганистана Ашраф Гани признал, что с момента его вступления в должность в сентябре 2014 года было убито около 45 000 военнослужащих ANDSF, что в среднем составляет более 10 000 человек в год [10, с. 65]. Больше число каждый год покидают структуру по другим причинам.

Хотя точное число действующих боевиков «Талибана», возможно, неизвестно даже руководству движения, командир Центрального командования США генерал Кеннет МакКензи-младший оценивал их количество в 60 000 в свидетельских показаниях в Конгрессе [13, с. 9]. В то же время, по оценкам исследователя Антонио Джустоцци, среди действующих талибов 60 000 – это только активные боевики, базирующиеся в основном в Пакистане. При этом, по его же подсчетам, еще около 90 000 боевиков действуют на локальном уровне, что в общей сложности составляет 150 000 человек [5, с. 12–13].

Существует вероятность интеграции значительной части боевиков «Талибана» в ANDSF с последующим уменьшением набора за счет ограничения комплектования личного состава с целью уравнивания его численности. На начальном этапе альтернативы существующей структуре ANDSF, которые позволяют использовать более локальные или менее формализованные силы безопасности, могут помочь сократить долгосрочные затраты на поддержание переходного этапа и привлечь в структуру бывших боевиков движения «Талибан». Цифры, приведенные в исследовании Джустоцци, показывают, что значительное число талибов, вероятнее всего, нуждается в поддержке при переходе к гражданской жизни вне зависимости от того, происходит это через ANDSF или другие альтернативные структуры.

В 2018 году талибы объявили «полный контроль» над 61 районом в Афганистане; по их же подсчетам 59 районов в тот момент находились под контролем афганского правительства. В то же время в ходе подсчетов, проводимых в рамках миссии НАТО «Решительная поддержка», было выявлено 12 районов, находящихся под контролем талибов, и 74 района, подконтрольных правительству Афганистана. На рис. 1 показаны карты контроля в понимании командования НАТО и движения «Талибан» соответственно [12]. На обеих картах видно, что юг и северо-западные районы Афганистана находятся под значительным контролем со стороны талибов, а центр страны преимущественно подконтролен афганскому правительству. Обе стороны, однако, заявляют о контроле над западными и восточными территориями.

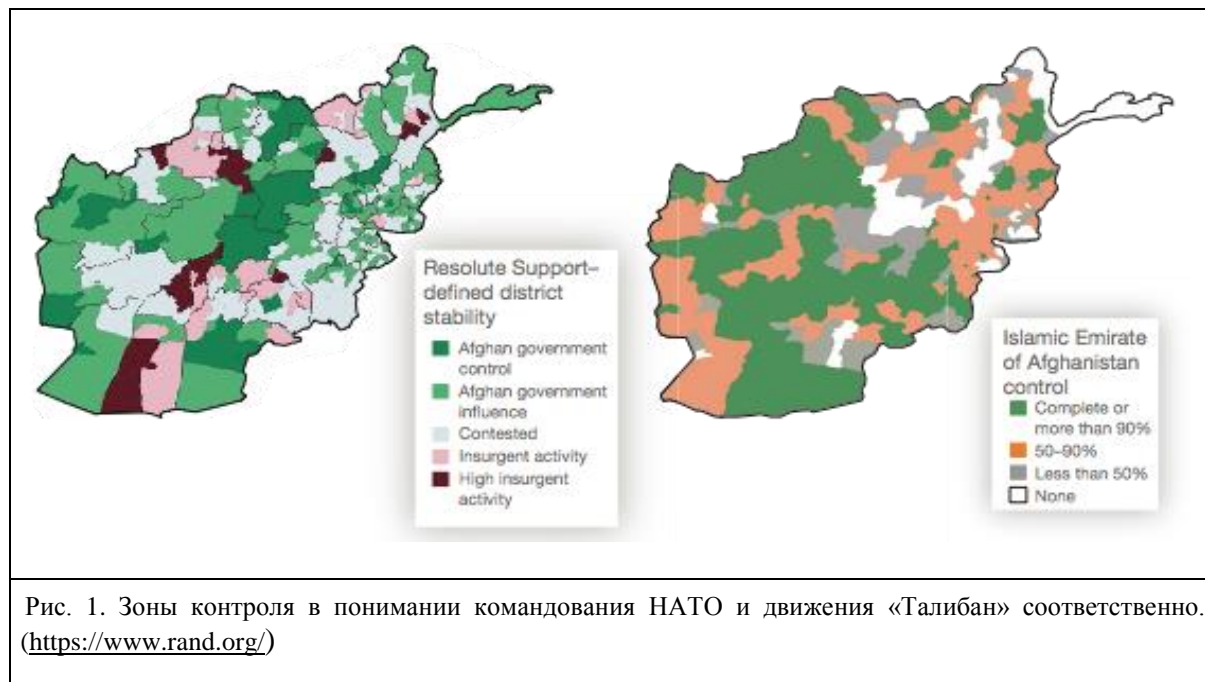

Рис. 1. Зоны контроля в понимании командования НАТО и движения «Талибан» соответственно. (<https://www.rand.org/>)

Разделение сил и первоначальное разграничение ответственности за безопасность, вероятно, пройдет относительно просто в тех немногих районах, где обе стороны согласны с неоспоримым контролем. Для большей части страны любое разграничение представит определенную трудность, но станет необходимой мерой в случае, если первоначальное прекращение огня останется в силе достаточно долго для того, чтобы начать интеграцию движения «Талибан» в афганские правительственные структуры и силы безопасности.

Вначале любой этап разоружения, скорее всего, приобретет характер управления, поскольку боевики движения «Талибан» не согласятся сразу передать свое оружие ANDSF. Точно так же крайне маловероятно, что этап демобилизации включит в себя расквартирование или окончательный разрыв командно-контрольной сети талибов. Поскольку талибы уверенно сохраняют контроль над частью афганской территории, начальный шаг может состоять в том, чтобы обе стороны оставались в границах четко обозначенных районов и установили некоторые средства координации. Обе стороны могут сохранить ответственность за безопасность в подконтрольных им районах, а также организовать совместное патрулирование спорных территорий и создать параллельные сотрудничающие структуры для осуществления контроля над ними. В некоторых случаях могут быть сформированы интегрированные подразделения. Комбинация этих методов продиктована степенью контроля и смешивания сил в различных районах.

Этнический и племенной фактор в РДР

В целом процесс государственного управления в Афганистане опирается на принцип этнического баланса. Мир и реинтеграция фактически означают импорт патронатных сетей талибов в афганское правительство и афганские институты безопасности. Интеграция талибов таким образом нарушит существующий этнический баланс. Поскольку члены движения в основном принадлежат к этнической группе пуштунов, их внедрение в государственные структуры Афганистана должно логически происходить за счет смещения нынешних должностных лиц пуштунской национальности, которые вряд ли уступят свои позиции. Присоединение талибов приведет к значительному засилью пуштунов в

правительстве и вооруженных силах – сценарию, которому резко противостоят другие этнические группы. Некоторые из этих пуштунских фракций активно сопротивляются засилью, учитывая, что ряд лидеров Северного альянса остается влиятельными игроками во внутренней политике Афганистана, а под контролем некоторых его представителей находятся местные силы безопасности.

С 2001 года все правительства Афганистана представляли собой коалиции, отражающие предполагаемый этнический баланс в стране: примерно половину составляют пуштуны, за которыми следуют таджики, узбеки и хазарейцы. Власть и покровительство были одинаково распределены и в секторе безопасности. Правительство национального единства, сформированное в 2014 году в результате спорных президентских выборов, открыло новый этап в соперничестве между пуштунами и непуштунами, в частности таджикской элитой. Влияние международного сообщества и США на таджикского кандидата Абдуллу Абдуллу и убеждение его в том, чтобы уступить в избрании пуштуну Ашрафу Гани, вызвало раскол между афганскими таджиками и международным сообществом. Молодые урбанизированные таджики чувствовали, что международные партнеры, с которыми они на протяжении долгого времени сотрудничали, игнорировали их нужды [3].

В отличие от пуштунских и таджикских этнических групп, узбеки на протяжении десятилетий имели небольшую руководящую группу, в которой доминировал генерал Абдул Рашид Дустум, стремившийся превратиться из полевого командира в государственного деятеля и первого вице-президента Афганистана при правительстве национального единства. Узбекская община исторически поддерживала альянсы на высшем уровне и с таджикской общиной, и с пуштунами, примыкая к обеим сторонам. Это означает, что Дустум с его уверенными 10 процентами голосов и сильным ополчением может использовать свое влияние как в созидательном, так и в разрушительном смысле [8]. В то же время Дустум сталкивается с конфронтацией со стороны значительного числа узбекских членов «Талибана» и все чаще – членов террористической группировки ИГИЛ (запрещена в РФ) [2].

Община хазарейцев – шиитов, проживающих преимущественно в Центральном Афганистане, исторически входила в число наиболее угнетенных групп населения страны. Хазарейцы остаются предпочтительной целью как «Талибана», так и ИГИЛ. Данная этническая группа часто искала поддержки со стороны международного сообщества и правительства и успешно создавала коалиции для защиты своих интересов. Среди основных этнических групп хазарейцы больше заинтересованы в сохранении нынешнего статус-кво: в случае, если защита со стороны государства потерпит неудачу, они снова станут преследуемым меньшинством. Их историческая родина Хазараджат (горная область в центральной части Афганистана) уже подвергалась усиленному нападению со стороны талибов [9]. В Иране также проживает большое сообщество хазарейских беженцев. Кроме того, Иран завербовал большое количество хазарейцев для участия в действиях проправительственной шиитской бригады Фатимиюн, которая воевала в Сирии.

В целом возможность того, что талибы согласятся последовательно разоружиться и демобилизоваться только для того, чтобы затем реинтегрироваться, представляется маловероятной. Очевидно, что боевики «Талибана» будут оставаться вооруженным и организованным формированием до тех пор, пока их значительное число не будет включено в реорганизованный сектор национальной безопасности Афганистана. Соглашение, которое поможет неявно уступить определенные районы и провинции контролю «Талибана», приведет к некоторой форме перехода ряда талибов в правительственные войска, но без реального надзора или вклада даже со стороны восстановленного правительства. Однако представители талибов

утверждают, что не хотят разделения страны на подконтрольные движению и не контролируемые ими районы. Движение «Талибан» заинтересовано в создании единой национально контролируемой армии. В этой связи международному сообществу необходимо выдвинуть требования подотчетности и настоять на том, чтобы любые пункты, определяющие территориальную юрисдикцию, были временными компонентами более широкого плана интеграции. В случае успеха со временем это приведет к более тщательной интеграции талибов в правительство и командование ANDSF, а также в войска в целом.

Отдельные члены движения могут выбрать возвращение домой или переезд в города с целью трудоустройства. Для этих людей программы реинтеграции, направленные на временную занятость, консультирование и профессиональную подготовку для возвращения в гражданскую жизнь, помогут минимизировать поток бывших боевиков с обеих сторон в местные ополчения, криминальные сети или экстремистские группы. Также потребуется долгосрочная стратегия для усиления экономического роста и независимости. В более благоприятной обстановке, обусловленной состоявшимся перемирием, дивиденды будут реализованы путем завершения отсроченных мероприятий по завершению строительства автомобильных и железнодорожных сетей с соседними странами.

Тем не менее, некоторые талибы стремятся сохранить контроль над наркотрафиком и другими незаконными сетями, с помощью которых они финансируют террористическую деятельность. Подобная тактика несовместима с включением в ANDSF, некоторые члены которого также имеют связи с коррумпированными предприятиями. Таким образом, конкуренция за контроль над такими сетями станет дополнительным источником напряженности между правительственным режимом и талибами.

В Афганистане существуют и другие вооруженные группировки, в том числе номинально проправительственные ополченцы и ИГИЛ, которые считаются непримиримыми и ориентированными на подрыв любого мирного соглашения. Талибан почти наверняка станет настаивать на том, чтобы проправительственные ополченцы были включены в любой процесс РДР, но с равной вероятностью руководство ополченцев будет стремиться к уклонению от таких требований. При этом подавление ИГИЛ станет объединяющим приоритетом для ANDSF и «Талибана» [6].

Роль третьей стороны в РДР в Афганистане

Во многих мирных процессах нейтральная третья сторона в форме международных миротворческих сил контролирует процесс РДР, предоставляя защиту обеим сторонам, в то время как каждая из сторон разоружается в присутствии все еще вооруженного противника. Вероятное отсутствие такого уполномоченного «арбитра» в афганском конфликте является серьезным недостатком для процесса его мирного урегулирования. Международное сообщество все еще в состоянии сыграть свою роль в оказании помощи в разработке и мониторинге процесса РДР и в организации программ, помогающих боевикам реинтегрироваться в гражданскую жизнь. Миссия ООН по содействию Афганистану является логичным кандидатом на эту роль. ООН также может быть поручено осуществлять мониторинг и представлять доклады по вопросам прав человека и обращения с гражданскими лицами в реорганизованных органах безопасности.

Предоставление или отказ от донорской поддержки в урегулировании афганского конфликта станет основным средством международного влияния. В дополнение к финансированию новой программы реинтеграции донорам необходимо продолжать оказывать поддержку афганскому сектору безопасности, даже если в него

перейдет значительное число боевиков движения «Талибан». На данный момент в некоторых областях уже наблюдается сокращение финансирования, большая часть которого поступает из Соединенных Штатов. При любом резком спаде финансовой поддержки будет обречен не только процесс РДР, но и весь афганский мирный процесс. В таком случае появятся возможности для перераспределения существующих обязательств по финансированию на мероприятия, которые в большей степени нацелены на установление мира в Афганистане. Соответственно снижением угрозы можно реально обеспечить более широкий доступ для ООН и других доноров с целью осуществления лучшего и более последовательного надзора.

Региональные органы власти призваны сыграть в этом деле особую роль. Они способны инициировать или, напротив, нарушить любой мирный процесс в силу своей близости, а также этнических, религиозных, языковых, культурных, коммерческих и политических связей с противоборствующими сторонами. В прошлом Пакистан, Иран и Индия, исходя из личных политических интересов, занимались вооружением и материальным оснащением афганских террористических группировок. Некоторые из этих правительств по-прежнему продолжают оказывать поддержку боевикам, хотя и в менее широких масштабах.

Пакистан, в частности, все еще предоставляет укрытие членам «Талибана». Набор боевиков в местные подразделения и их дислокация происходят локально в Афганистане. Мобильные подразделения в основном действуют за пределами Пакистана, а специализированные террористические группы, в частности сеть Хаккани (запрещена в РФ), базируются в Пакистане. При этом стоит отметить, что только Пакистан способен обеспечить разоружение и демобилизацию этих категорий боевиков и контролировать реинтеграцию талибов, которые решили остаться на территории страны.

Все вышеперечисленные региональные государства должны участвовать в разработке программ РДР, как и Китай, в силу своего влияния на Исламабад. Пакистану следует предложить международную поддержку в разработке и реализации собственных мер РДР для афганских боевиков-талибов. Для этого потребуется убедить власти страны в необходимости их участия в данных мероприятиях, т. к. пакистанские чиновники не хотят признавать масштабы присутствия «Талибана» на их территории, а пакистанские военные не намерены полностью ликвидировать то, что они считают фактором сдерживания в напряженных взаимоотношениях с Индией.

В конечном счете реинтеграция способна принять постоянный характер только в том случае, если экономика Афганистана получит достаточное развитие для того, чтобы в ней нашлось место для бывших боевиков с обеих сторон. В таком случае региональные государства станут основным источником увеличения торговли и инвестиций, вытекающих из мирного соглашения.

Заключение

Таким образом, планирование процесса РДР должно предполагать, что талибы также получат право голоса в разработке его положений. Учитывая отсутствие какого-либо стороннего правоприменительного механизма, согласованные положения будут выполняться только до тех пор, пока обе стороны считают, что это отвечает их интересам. Предоставление постоянной помощи от США, международной коалиции и государств региона в области безопасности обеспечит основные внешние рычаги в этом процессе.

Вместе с тем планирование не должно предполагать, что размер и вспомогательные расходы для афганского сектора безопасности будут разумно сокращены в начале мирного урегулирования. Сторонам, участвующим в разработке

плана РДР, следует думать о том, как реагировать на любые правовые или политические препятствия, способные возникнуть в связи с поддержкой восстановленного афганского сектора безопасности, содержащего значительное число бывших боевиков движения «Талибан». Региональным государствам следует прорабатывать вопросы РДР с особым акцентом на Пакистане, где базируется большая часть командования, мобильных подразделений и террористических групп талибов. Основным вопросом на данный момент заключается в том, как эффективно поддерживать поток международной помощи в Афганистан и какие условия следует ставить сторонам, признавая, что эта помощь представит собой основной рычаг внешнего воздействия при реализации любого мирного соглашения.

Литература

1. *Лалетин Ю.П.* Государство и племя в политсистеме Афганистана // Политические системы и политические культуры на Востоке / отв. ред. А.Д. Воскресенский; МГИМО (У) МИД России. – М.: Восток-Запад, 2006. – С. 342–373.
2. *Али Обейд.* «Непуштунский талибан Севера» (4): пример из Джавзьяна». Кабул, Афганистан: Сеть аналитиков Афганистана, 18 сентября 2017 года. По состоянию на 1 мая 2019 года: <https://www.afghanistan-analysts.org/non-pashtun-taleban-of-the-north-4-a-case-study-from-jawzjan/>
3. *Бозе Сринджой, Нематулла Бижан и Ниаматулла Ибрахими.* Молодежные протестные движения в Афганистане: в поисках голоса и свободы воли. Peaceswork. – Вашингтон, округ Колумбия: Институт мира США, № 145, февраль 2019 года. От 21 мая 2019 года: <https://www.usip.org/sites/default/files/2019-02/pw145-youth-protest-movements-in-afghanistan-seeking-voice-and-agency.pdf>
4. *фон Дик Кристофер.* РДР и реформа сектора безопасности в переходный период от войны к миру. – Лондон: Ubiquity Press, 2018.
5. *Джустоцци Антонио.* Афганистан: организация и структура талибов. – Осло: Landinfo, Норвежский информационный центр стран происхождения, 23.08.2017.
6. *Джонс Сет Г.* Реинтеграция афганских боевиков, Санта-Моника, Калифорния: RAND Corporation, OP-327-MCIA, 2011: https://www.rand.org/pubs/occasional_papers/OP327.html
7. Магга Роберт и Крис О'Доннелл. Разоружение, демобилизация и реинтеграция следующего поколения // Стабильность: Международный журнал по безопасности и развитию. – 2015. – Т. 4, № 1.
8. *Руттиг Томас.* Снаружи и внутри: парадоксальная система политических партий Афганистана (2001–2016). – Кабул, Афганистан: Сеть аналитиков Афганистана и Фонд Конрада Аденауэра, Тематический отчет AAN 01/2018, май 2018 г., по состоянию на 1 мая 2020 года: <https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/2018/05/20180506-KAS-AAN-TR-Afghanistans-paradoxial-pol-party-system.pdf>
9. *Сиерат Рустам Али и Рахматулла Батур.* Новый поворот в войне талибов: Хазараджат под осадой // The Diplomat. 16.11.2018, по состоянию на 1 мая 2020 года: <https://thediplomat.com/2018/11/a-new-turn-in-the-talibans-war-hazarajat-under-siege/>
10. Специальный инспектор по реконструкции Афганистана, ежеквартальный отчет Конгрессу США. – Арлингтон, Вирджиния, январь 2019 года. По состоянию на 1 мая 2020 года: <https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2019-01-30qr.pdf>
11. ООН, «Пересмотренные стандарты разоружения, демобилизации и реинтеграции», пресс-релиз. – Стокгольм: Департамент операций по поддержанию мира, 21 ноября 2017 г. По состоянию на 1 мая 2020 года: <https://www.un.int/news/disarmament-demobilization-and-reintegration-standards-revised>

12. Министерство обороны США, повышение безопасности и стабильности в Афганистане, отчет перед Конгрессом в соответствии с разделом 1225 Закона о государственной обороне на 2015 финансовый год Карла Левина и Говарда П. Бака МакКеона (PL 113-291), а также с изменениями, внесенными в декабре 2018 года. По состоянию на 1 мая 2020 года: <https://media.defense.gov/2018/Dec/20/2002075158/-1/-1/1/1225-REPORT-DECEMBER-2018.PDF>

13. Комитет Сената США по вооруженным силам, «Вопросы продвинутой политики для генерал-лейтенанта Кеннета МакКензи-младшего, КМП США, кандидат в командиры, Центральное командование США», 4 декабря 2018 года. По состоянию на 1 мая 2020 года: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/McKenzie_APQs_12-04-18.pdf

References

1. *Laletin Yu.P.* Gosudarstvo i plemya v politsisteme Afganistana [The State and the Tribe in the Political System of Afghanistan] Yu.P. Laletin // *Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury na Vostoke* [Political Systems and Political Cultures in the East] / otv. red. A.D. Voskresenskij; MGIMO (U) MID Rossii. – M.: Vostok–Zapad, 2006. – Pp. 342–373

2. *Ali Obaid.* Non-Pashtun Taleban of the North (4): A Case Study from Jawzjan. – Kabul, Afghanistan: Afghanistan Analysts Network, September 18, 2017. As of May 1, 2019: <https://www.afghanistan-analysts.org/non-pashtun-taleban-of-the-north-4-a-case-study-from-jawzjan/>

3. *Bose Srinjoy, Nematullah Bizhan and Niamatullah Ibrahimi.* Youth Protest Movements in Afghanistan: Seeking Voice and Agency. Peacework. – Washington D.C.: U.S. Institute of Peace, № 145, February 2019. As of May 21, 2019: <https://www.usip.org/sites/default/files/2019-02/pw145-youth-protest-movements-in-afghanistan-seeking-voice-and-agency.pdf>

4. *Christopher von Dyck.* DDR and SSR in War-to-Peace Transition, SSR Paper 14. – London: Ubiquity Press, 2018.

5. *Giustozzi Antonio.* Afghanistan: Taliban's Organization and Structure, Oslo: Landinfo, Norwegian Country of Origin Information Centre, August 23, 2017.

6. *Jones Seth G.* Reintegrating Afghan Insurgents, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, OP-327-MCIA, 2011: https://www.rand.org/pubs/occasional_papers/OP327.html

7. *Muggah Robert and Chris O'Donnell.* Next Generation Disarmament, Demobilization and Reintegration,” *Stability: International Journal of Security and Development*, Vol. 4, № 1, 2015.

8. *Ruttig Thomas.* Outside, Inside: Afghanistan's Paradoxical Political Party System (2001–2016). – Kabul, Afghanistan: Afghanistan Analysts Network and Konrad Adenauer Stiftung, AAN Thematic Report 01/2018, May 2018.

9. *Seerat Rustam Ali and Rahmatullah Batoor.* A New Turn in the Taliban's War: Hazarajat Under Siege // *The Diplomat*. November 16, 2018. As of September 12, 2019: <https://thediplomat.com/2018/11/a-new-turn-in-the-talibans-war-hazarajat-under-siege/>

10. Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction, Quarterly Report to the United States Congress, Arlington, Va., January 2019. As of May 1, 2019: <https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2019-01-30qr.pdf>

11. United Nations, “Disarmament, Demobilization and Reintegration Standards Revised,” press release, Stockholm: Department of Peacekeeping Operations, November 21, 2017

12. U.S. Department of Defense, Enhancing Security and Stability in Afghanistan, report to Congress in accordance with Section 1225 of the Carl Levin and Howard P. “Buck”

McKeon National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2015 (P.L. 113–291), as amended, December 2018. As of May 1, 2019: <https://media.defense.gov/2018/Dec/20/2002075158/-1/-1/1/1225-REPORT-DECEMBER-2018.PDF>

13. U.S. Senate Committee on Armed Services, “Advance Policy Questions for Lieutenant General Kenneth F. McKenzie Jr., USMC, Nominee for Commander, United States Central Command,” December 4, 2018. As of September 12, 2019: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/McKenzie_APQs_12-04-18.pdf